

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*О. МИЛОСАВЛЕВИЧ***“1918 год” – “освободители”
и “побежденные”****(Методологические предпосылки исследования
национальных стереотипов)***

1 декабря 1918 г. – отправная точка новейшей истории балканских народов. В этот день было провозглашено создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС), часто называемого первой Югославией. В современных конструктах новых типов государственно-этнической идентичности дата “1918 год” – появление на юге Балкан полиэтнического государства – оценивается рядом историков, не говоря о политиках, как начало разрыва преемственности многовекового, “естественного”, прямолинейного развития этносов. Такой этноцентричный подход, игнорирующий объективную роль и место этнических общностей в прошлом, превращает их в “стержень” истории, вокруг которого она якобы “вращалась”. Это, естественно, не соответствует реальности, хотя бы потому, что понятие “этнос” в прошлом определялось не так, как это принято ныне и, что самое важное, данный тип групповой идентичности не имел преобладания над иными ее формами (государственной, конфессиональной, языковой и др.). Вопреки крайне востребованным в современном постъюгославском общественно-политическом пространстве “историям” сербов, хорватов и др., подлинная историческая реальность южных Балкан определялась существованием государств, церквей и династий, как правило, не окрашенных этнически. Историю же этносов можно восстановить только с большим усилием, абстрагируясь от разнообразных политических, конфессиональных и иных границ, в которых указанные общности существовали лишь условно, зачастую без осознания индивидуумами собственной этнической принадлежности. В первую очередь, идентичность определяли конфессия, государство, в крайнем случае – регион; от этноса же, находившегося постоянно в состоянии создания и распада, она зависела в меньшей степени.

Тем не менее в контексте современной политики по формированию новой идентичности, которую осуществляют государства, возникшие на территории бывшей Югославии, стереотипы, восходящие к этничности, обрели, к несчастью, избыточную

* В основу статьи положен раздел из книги [Kultura... 2007, s. 43–54].

роль, прочно войдя и в общественный дискурс, и в инструментарий региональной политики. Цель данной статьи – анализ процесса складывания этнонациональных стереотипов и их деструктивного воздействия на общественно-политический дискурс. Для этого целесообразно использовать несколько ключевых терминов: идентичность – предшествовавшая и желаемая; преемственность или ее отсутствие; селективная история и селективная традиция, а также бинарных понятий: этническая общность – индивидуум; иррациональная аргументация – рациональные требования; свобода вообще – этнонациональная свобода как размежевание с “другими”.

Итак, исторические стереотипы составляют основу (всегда и везде одинаковую) для выстраивания новой картины современности, легитимизированной путем избирательности и конструирования истории. Их присутствие в восприятии прошлого обязательно, во-первых, потому что современные тенденции развития связаны с прошлым. Так, можно, хотя и трудно, например, доказать, что в 1918 г. югославские народы страстно возжелали создать собственные независимые государства, что они обладали представлениями об их сути и формах, о том, где проходят их границы и какие территории они охватывают. Аналогичным образом можно аргументировать и противоположное утверждение, будто эти же народы стремились к общему государству, имея о нем какие-либо заранее сформированные представления.

Во-вторых, устойчивость этноисторических стереотипов связана с тем, что они предоставляют упрощенные, черно-белые картинки с четко очерченным позитивом и негативом, объясняющие и внушающие, что с ценностной точки зрения в прошлом позитивно, а что негативно. При этом “плюс” и “минус” легко меняются местами – в зависимости от требований текущего момента. Так, противники “югославизма” – идеи общего многонационального государства, чьи труды в недавнем прошлом оценивались негативно, в изменившейся социальной ситуации превратились в “провидцев”. В-третьих, рассматриваемые стереотипные представления в настоящее время удобно использовать в идеологических целях. В будущем, в новых обстоятельствах такая возможность, вероятно, будет утрачена. Образы “югославизма” и “югославянской общности” (интегральных – в первой, королевской или социалистических – во второй, “титовской” Югославии), созданные в определенный исторический период, вряд ли будут определять общественно-политические настроения. Однако эти стереотипы могут указать на предпочтительную направленность будущих изменений ныне существующих образов идентичности.

В результате воздействия перечисленных причин стереотипная оценка, подразумевающая выбор “преемственности” истории и традиции, в целом воспринимается легко и может стать приемлемой для широких слоев общества в качестве единственно признанного прошлого, достойного “воспоминания”. В процессе поиска новой идентичности у социума и индивидуума осознанно, а чаще неосознанно, происходит подчинение требованиям настоящего момента. При этом множество людей свое согласие на частичное или полное изменение идентичности воспринимают как неизбежное, а нередко – и как естественное. Поэтому возникает вопрос: идентичность – это фактор, который изменяет обстоятельства, чтобы подтвердить свое существование, или наоборот, новые обстоятельства определяют и новую идентичность?

Ответ неоднозначен. Бесспорно лишь то, что победная стратегия формирования идентичности в определенный социальный момент удовлетворяет группу, достигшую своей цели. Далее она стремится навязать такую идентичность тем, кто ей не обладают, но с большей или меньшей степенью сознательности согласны ее принять. Вопреки своему имманентному содержанию новая идентичность (или меры по ее конструированию) нуждается в доказательстве того, что она – константа, а не переменная истории. Тот факт, что в действительности речь идет об интеллектуальном конструкте, возникшем в новой социальной ситуации, отрицается. Наоборот, выстраивается целая система “доказательств”, подтверждающих его неизменность и историческую укорененность. Подобная задача решается путем экстраполяции черт современности в прошлое и исключения из анализа тех элементов истории, которые в изменившихся условиях препятствуют созданию нужного понятия национальной идентичности (фео-

дальное общество, сословная система, различия между языком “элиты” и языком “народа”, отсутствие единого законодательства, отсутствие осознания единства интересов и т.д.). Этому сопутствует и стремление изобразить иные, реально складывавшиеся исторические типы идентичности как несуществующие (вариант – идеологические умозаключения, тенденциозные трактовки). Между тем изменчивость идентичности как формы осознаваемого группового единства можно легко проверить: в настоящее время – на примере югославской государственной и национальной идентичности; в прошлом – соответствующих идентичностей сербов, хорватов и босняков¹.

Реальность нашего времени такова, что в восприятии прошлого исторические стереотипы в основном сводятся к стереотипам национальным. Современное общество возникло в результате буржуазных революций, которые выдвинули вместо доминировавших ранее парадигм – государственной, династической, конфессиональной или региональной – *парадигму национальности*. Несмотря на то, определяется ли она как гражданская или этническая, это – феномен современности, надстройка над предшествующими видами идентичности, требующая осознания принадлежности и определения собственных границ. Естественно, национальность как гражданская общность, функционирующая в рамках государства и правового поля, не имеет того количества проблем с определением границ идентичности, которое характерно для национальности как этнической общности. В последнем случае неизбежна ссылка на отсутствие четких границ исторических государств, а также на “растяжимость” таких идентификационных критериев, как язык, конфессия или историческая память.

При подобной неопределенности границ этничности, ни одна из которых не может рассматриваться как “естественная”, неизменная, зафиксированная договорами и т.п., для конструирования основ новой реальности чаще всего используется селективное отношение к истории. Иными словами, для формирования “сознания”, которое придало бы упомянутым границам легитимность, устанавливается новая преемственность с *воображаемой историей*, сопровождаемая отказом в легитимности предшествующей реальности и “сознанию”, с которыми следует порвать связь. Проиллюстрировать это можно, например, современной оценкой ключевого для южных Балкан хронологического отрезка 1912–1918 гг., сделанной одним из теоретиков сербского национализма, первым президентом Союзной Республики Югославия Д. Чосичем: “Эти шесть лет... определили весь наш XX век. Последствия этих шести лет войн, провозглашения военных целей, концепций национального и государственного бытия продолжают и по сей день, в то время как они должны подвергнуться радикальному историческому пересмотру. Мы, наконец, должны и как можно быстрее завершить наш XX век... Наш переход в XXI век я понимаю... прежде всего как рациональный пересмотр историко-политического и государственного бытия нашей нации, бытия, обусловленного Первой мировой войной” [Čosić, 1989, s. 29].

Тенденциозное отношение к истории, лишенное устремлений, обусловленных собственно научным подходом к познанию прошлого, неизбежно попадает в ловушку стереотипных оценок. Причина – *предвзятость*, которая обычно исключает необходимость объективного познания, тяготея к переносу современных идей в прошлое или выделению из общего контекста лишь тех аспектов исторической реальности, которые признаются необходимыми для обоснования легитимности современных задач. Предвзятый подход к истории независимо от поставленной цели всегда упрощает ее содержание, позитивно оценивая доказываемое и негативно – оспариваемое.

Исторические стереотипы – образцы подобных упрощенных, спекулятивных, предвзятых представлений о прошлом. Они предназначены именно для подкрепления современных политических требований, хотя, на первый взгляд, и основаны на исторических фактах (даты, личности, события), трактуемых в духе конкретной и сиюминутной политической перспективы, под которую “подгоняется” и уже известный результат. Вот образец подобных построений: “Краеугольным камнем (истории юго-

¹ Босняки – южнославянский этнос, составляющий большинство населения Боснии и Герцеговины. Верующие в большинстве исповедуют ислам, но есть и католики, и православные. – *Прим. ред.*

славянских народов. – О.М.), безусловно, является 1 декабря 1918 г. Предшествующая сербская история не указывала на вероятность, а тем более неизбежность столь странного эксперимента, как югославский, и идейного феномена, как регент, впоследствии король Александр I Карагеоргиевич, называемый Объединителем... Импровизированное и на скорую руку осуществленное объединение было основано на *ad hoc* соглашении между двумя нерепрезентативными группировками. Ни регент Александр, ни посетившие его 1 декабря 1918 г. делегаты (Национального вече Государства сербов, хорватов и словенцев. – О.М.) не имели легитимного мандата на этот шаг... Сербь стали единственной жертвой собственной эксцентричности. Отречением от собственного проекта и интересов, они обеспечили непредвиденно успешное осуществление проекта и интересов всех соседних народов” [Trifković, 2005].

Наряду с “селекцией” истории с целью придать новой реальности видимость объективной необходимости и укорененности в прошлом, происходит, как говорилось выше, и манипулирование категорией *традиция*. Поскольку задача тут аналогична – подтверждение нужной преемственности, традиция также трактуется избирательно. Из прошлого извлекаются только те ее элементы, которые указывают на взаимосвязи с желательными в данный момент ценностями (форма государственного устройства, учреждения, обычаи, верования, воспоминания и т.д.), при одновременном замалчивании всего, что не укладывается в заданную шкалу приоритетов. За компонентами традиции, не прошедшими отбор, принадлежность к ней в принципе отрицается: они объявляются случайностями, исключениями из “естественного” развития или негативным влиянием из-за рубежа.

В таком контексте неудивительно, что любой возникающий этноисторический стереотип основан на иррациональной аргументации, которая, однако, имеет номинально безупречную логическую структуру. Для того чтобы стереотип выполнил свою важнейшую функцию – был воспринят и содержал простой ответ на сложный вопрос – при его создании неизбежно обращение к иррациональному, которое, путем апелляции к эмоциям, быстрее и целенаправленнее достигает нужного результата. Наряду с узнаваемостью, иррациональные аргументы часто отличаются патетика, возвышенность и неповторимость в противоположность рационально определенным целям, которые могут выглядеть прозаическими, обыденными и лишенными эмоционального накала, придающего силу убеждениям. Иррациональное содержится, например, в концепции неизменности идентичности в ходе истории, в создании преемственности путем изъятия того, что с ней не согласуется. Проще говоря – в создании иррациональной картины прошлого, состоящей из сегментов, изъятых из контекста и искусственно связанных между собой исключительно современностью, при отказе от всех остальных многочисленных сегментов того же прошлого и их забвении.

Все это может в глазах современников выглядеть абсолютно логичным и убедительным для оправдания политических целей. Проблему для любой политики по формированию новой идентичности составляют именно эти отторгнутые части не-идентичности, не-традиции и не-истории, о которых никогда неизвестно, где они вновь проявятся. “Сербское этническое пространство в самом широком смысле составляла бы территория, на которой абсолютное демографическое большинство имела совокупность сербов, черногорцев, югославов, македонцев и босняков. Все они, согласно переписи, проживали вместе с сербами и в ходе долгой истории репрессий на Балканах вынужденно стали конвертитам² – были подвергнуты хорватизации, мадьяризации, албанизации, германизации, румынизации, болгаризации, эллинизации”, – отмечает в связи с этим М. Степич [Stepić, 2005].

Вся современная политика формирования идентичности, точнее, создания ее нового конструкта, восходящего к принципу неизбежности создания мононациональных государств, сводится к обоснованию права на свободу от “другого”. Но тем самым нация-этнос создает имманентные ограничения свободе, понимаемой подобным об-

²Сменившими свою этническую идентичность. – Прим. пер.

разом: выдвижение исключительных требований к населению о безоговорочном принятии им новой идентичности в рамках “своего” государства неизбежно несет угрозу правам его жителей и социальных групп. Индивидуальную социальную свободу легко утратить перед лицом исключительности свободы коллективной, этнонациональной. Последняя часто обретает смысл *несвободы* выбора для индивидуума, например, в ситуации с самоидентификацией или с пониманием им прошлого и настоящего. Как отметил Э. Фромм, «первичный механизм бегства от свободы... – это стремление отказаться от своей индивидуальности, побороть чувство одиночества и беспомощности, а для этого – слиться с окружающим миром, раствориться в нем... Личность перестает быть личностью; человек полностью принимает тот тип личности, который ему предлагают культурные образцы; поэтому он превращается именно в того, какими являются и все остальные и такого, каким, по его мнению, он должен быть... Отказавшись от собственного “я” и превратившись в робота, подобного миллионам других таких же роботов, человек уже не ощущает одиночества и тревоги. Однако за это приходится платить утратой своей личности» [Фромм].

Если предварительным условием завоевания свободы – примирения и установления доверия – выступает насильственное разделение по этническим границам и историко-культурное, языковое, конфессиональное и иное размежевание там, где это исторически оправданно или же неоправданно, то подобную “этнонациональную” свободу можно принять только предварительно согласившись с искажением сути данного понятия как такового. Ибо оно будет основываться на принципе свободы вновь созданного коллектива, а не индивидуума. Но, во-первых, такой подход редуцирует права личности, которые реализуются не на основе общегражданских прав, а “прав этноса”, восходящих к соответствующей групповой идентификации. Ей необходимо подчиниться, чтобы индивидуальные права вообще осуществлялись. Во-вторых, свобода, ограничиваемая коллективными рамками, сужает персональное пространство человека уже самой необходимостью подстраиваться под коллективную историю, культуру, религию и т.д. В-третьих, принцип равенства сводится к принципу этнической исключительности. В-четвертых, понятие солидарности как общечеловеческой ценности опускается на приземленный национально-этнический уровень.

Практически все описанные выше механизмы манипулирования массовым сознанием, присутствующие в исторических и общественно-политических дискуссиях на тему “1918 года”, способствуют складыванию иррациональной картины современности. В результате отрицания символической ценности этой даты в противовес тому значению, которое союзному государству придавали его создатели и современники, первая государственная общность южных славян в одночасье превратилась в “тюрьму”, которая якобы “укоротила” и “оборвала” аутентичное развитие истории сербского народа. То, что считалось достижением этой страны пока она существовала, с ее исчезновением превратилось в “порок”. Другим державам – Австро-Венгрии, Оттоманской империи, в составе которых в прошлом существовал сербский этнос, подобное “прошлось”, поскольку они были “чужеродными”. Значительная же хронологическая дистанция и отсутствие у современников воспоминаний, основанных на собственном опыте, превращают представления об этих государствах в старые, неподвижные, безжизненные и потому – иррелевантные образы.

Коль скоро аутентичность и естественность “1918 года” как начала единства была задним числом оспорена, эта дата ныне превратилась в синоним “нежелательного”, “искусственного”, “чуждого”, с которым следует оборвать преемственность. Особую пикантность таким оценкам придает тот факт, что, вопреки упорным попыткам доказать обратное, единое государство на юге Балкан не было “чуждым” – оно было создано по воле местных элит. А тезис о Югославии-“тюрьме” докажем только в случае пересмотра всех аспектов возникновения и существования этой страны в течение многих десятилетий. Парадокс состоит в том, что современная ее оценка была бы, наверное, более взвешенной, если бы рождение Югославии было связано с иностранной армией или династией. Разрушение же позитивных представлений о “1918 годе” вызвано с необходимостью политики формирования новой идентичности. А для этого

нужно изгнать с исторической сцены любой иной возможный вариант развития тех же этносов, стереть в их памяти время пребывания в едином государственном организме, представив его как нечто никогда реально не существовавшее, идеологически навязанное и искусственным образом сохраняемое.

В ряду национальных стереотипов о “1918 годе”, бытующих среди части сербских интеллектуалов, наиболее распространен образ Королевства СХС как неестественного объединения “освободителей и освобожденных, победителей и побежденных”. “Причины югославской драмы лежат... в отсутствии единой мотивации и неблагоприятных условиях объединения сербов, хорватов и словенцев в общее государство в самом конце Первой мировой войны. Это объединение, основанное на заблуждении и сознательном самообмане и обмане окружающего мира относительно этнического единства сербов, хорватов и словенцев стало результатом победоносной освободительной борьбы сербского народа на стороне союзников... Это объединение было объединением победителей в этой войне и побежденных, освободителей и освобожденных. А в истории ни освободители никогда не были только освободителями, ни освобожденные справедливостью, правдой и лояльностью никогда не воздавали своим освободителям”, – писал еще в конце 1980-х гг. Чосич [Čosić, 1988].

Сформулированный им и разработанный в дальнейшем одним из авторов Меморандума Сербской академии наук и искусств – манифеста сербского национализма – М. Марковичем стереотип далее использовался в разных целях и имел различное истолкование. Важнее, однако, то, что упрощенная, но хлесткая формула из четырех слов – “освободители и освобожденные, победители и побежденные” – отвечала всем требованиям, предъявляемым массовым сознанием к положительному национальному образу. Он понятен каждому и поэтому его легко запомнить и использовать; его черное белое содержание не оставляет места для дилеммы о позитивной и негативной стороне проблемы. Большой контраст между содержанием использованных слов заранее программирует оценки мотивов наций – участников объединения, их “заслуг”, представлений о будущем государстве, его функционировании, проблемах и отношении к нему этнических групп и их правах.

Что не менее важно, формируется стереотипное представление о причинах неизбежности распада единого югославского пространства и деструктивной роли в этом процессе конкретных этнических коллективов. Вступив в союз с соседями, «Сербия сделал первый шаг к обмену “государственной наличности” на ненадежный югославский кредит... Основная историческая цель Сербии была традиционной; она коренилась во всей ее многовековой политике: собирание всех сербов в одном государстве... Хорватские и словенские лидеры, собравшиеся в Югославянском комитете, согласились с сербскими идеями о создании общего государства сербов, хорватов и словенцев, поскольку знали, что их отказ стал бы гораздо бóльшим риском, чем предполагавшаяся “великосербская гегемония”. Иными словами, победа Антанты для хорватов и словенцев... обозначала бы переход в разряд побежденных государств³, со всеми губительными последствиями такого статуса, включая и предполагавшийся территориальный раздел». Кроме того, они надеялись на возможное постепенное преобразование молодой югославской державы в национальные государственные общности. «То есть, Югославия стала бы, по существу, “промежуточной станцией”, выстроенной на костях сербских жертв на пути к самостоятельным государствам хорватов и словенцев. История, хотя и с опозданием в семь десятилетий, покажет реальность этой перспективы и прозорливость тех хорватских и словенских лидеров, которые в июле 1917 г. достигли с правительством Сербии соглашения об образовании централистского Королевства сербов, хорватов и словенцев»⁴ [Роров, s. 27].

Негативная роль, которую играет внутренне противоречивая тетрада “освободители и освобожденные, победители и побежденные”, связана в первую очередь с тем,

³ Входили в состав Австро-Венгрии. – *Прим. пер.*

⁴ Имеется в виду Корфская декларация 20 июля 1917 г., принятая правительством Сербии и Югославянским комитетом. – *Прим. пер.*

что она в принципе не предполагает необходимости ответа на серьезные вопросы. Например, как победители могут быть освободителями для побежденных? как последние одновременно могут быть освобожденными? как вообще несвободные люди могут быть побеждены своими освободителями? и т.п. Но имманентная нелогичность и двусмысленность рассматриваемой формулировки полностью гармонирует со свойствами стереотипных представлений как таковых, чья иррациональность и упрощенность несколько не препятствует их восприятию. Только бы они были достаточно яркими, а вызываемые ими первичные ассоциации удовлетворяли бы потребность получать поверхностные и понятные ответы. В результате складывается примитивная, клишированная, “катехизическая” картинка истории: почему мы вошли в состав союзного государства – потому что победили и освободили; у кого было больше всего прав назвать это государство своим – у победителей; кто первый должен был думать о будущей конфигурации этого государства – победители; почему другие народы вошли в его состав – потому, что они были побеждены и освобождены; почему у единого государства было такое количество проблем – потому что побежденные никогда не могли забыть свое поражение; почему оно распалось – потому что освобожденные всегда были неблагодарны по отношению к своим освободителям; был ли его распад неизбежным – конечно, поскольку не может быть ничего хорошего в совместном проживании победителей и побежденных, освободителей и освобожденных, и т.п.

Подобные клише на уровне общественного мнения начинают охватывать не только область актуальных политических вызовов и практической политики, но и эмоциональную, иррациональную по своей природе сферу межэтнического взаимодействия: “Представляется, что психологическая ситуация, возникающая при вхождении в состав одной общности победителей и побежденных, освободителей и освобожденных, те, кто может выбирать и те, у кого выбора нет, никогда не оценивается честно. Это похоже на брак, в который один (партнер. – *О.М.*) вступил по любви, а другой по расчету. Воспоминаниями невозможно распоряжаться, и многие сербы по-прежнему будут любить своих братьев на реке Соче⁵. Однако независимо от этого, условия такого совместного проживания без взаимной любви необходимо обдумать рационально” [Marković, 1988].

Следование подобной логике неизбежно ведет к персонификации этнического коллектива – восприятию его единым существом, наделенным позитивными или негативными особенностями и чертами характера (то есть неизменными свойствами в стереотипном изображении). Это дает возможность: 1) произвольно манипулировать не смешивающимися друг с другом, всегда четко разграниченными моральными оппозициями: добро и зло, любовь и ненависть, и т.п.; 2) переносить зыбкие, субъективные эмоциональные представления о взаимоотношениях индивидуумов на объективный процесс межэтнического взаимодействия.

Рассуждения о государстве как о браке по любви или по расчету, равно как и о “чувствах” народов – “брачных партнеров”, выполняют сугубо политическую функцию: укоренение в общественном сознании “правильной” интерпретации вызовов, задаваемых современной ситуацией на юге Балкан. Каковы черты характера участников такого “брачного союза”? Кто повинен в его распаде? Позиция какой стороны “бракоразводного процесса” справедлива и кто обладает большими правами на общее “имущество”? и т.д. Ответы на такие вопросы заранее известны ввиду стереотипных представлений о специфике национального характера “разводящихся”: “эмоционального”, но “великодушного” и “доброжелательного” сербского народа, и его “холодных”, “расчетливых” и “злонамеренных” соседей. Восприятию такого рода бинарных оппозиций способствует и мнимая самокритичность “освободителей и победителей” – “физически, нравственно и эмоционально сильной стороны”. Даже очевидная их наивность в подобном контексте выступает как проявление положительных, а не отрицательных черт национального менталитета. Она диктовалась самыми лучшими, искренними

⁵ То есть словенцев. – *Прим. пер.*

намерениями, следовательно, заблуждавшийся не нес и не несет ответственности за свои благородные иллюзии. Далее подобные “характерные” определения и оценки естественным образом трансформируются в “вердикт” о том, на ком лежит вина за распад “брака” – союзного государства, и о справедливости позиции того, кто в этом не виноват: “Сербы должны Югославии, да и словенцам показать свои национальные интересы и выставить счета, чего они не делали... За выход из состава Югославии надо платить” [Ćosić, 1989, s. 48].

Таким образом, создание и использование исторического стереотипа “1918 год” приводит к тому, что возникший на его основе образ прошлого представляет его исключительно в упрощенном черно-белом варианте:

- из многоплановой истории создания общегославского государства вычленяется категория “освобождение” – произвольно трактуемый особый “вклад” в этот процесс сербского народа, и игнорируется все то, что не соответствует этому постулату;

- социально-политическая и историко-культурная преемственность с многонациональным государством отвергается, а сама его идея провозглашается не осуществляемой из-за различия мотивов вступления в него сербов и “неблагодарных братьев” и уровня их взаимной “любви”;

- декларируется необходимость формирования новой идентичности, освобожденной от заблуждений “единства”.

Внедрение же упомянутого стереотипа в современный этно-культурно-политический дискурс ведет к тому, что требуемая для своей этнической общности свобода трактуется исключительно как разрыв “нации-жертвы” с неблагодарными “нациями-палачами”. При этом не учитываются не только позиция последних – в рамках парадигмы этнического национализма иллюзорно любое обсуждение подобной проблемы, но и индивидуальные права самих “жертв” (которым, кстати, в дальнейшем предстоит сосуществовать с негативно воспринимаемыми “другими”). Подобными абсолютно иррациональными аргументами достигаются вполне прагматичные цели – отрицание предшествующего государства и создание нового с соответствующей идентичностью по критерию этничности, а не гражданства.

Но государство, необходимость создания которого обосновывается историей и традицией, подвергнутой произвольной селекции, можно уподобить плоду, искусственно привитому к древу несуществующей преемственности. И закономерно, что его население пытается распознать, где же та свобода, которую оно только что “завоевали” и чем их страна отличается от государства-предшественника – “тюрьмы”, в которой система принуждения “сглажена” спасительным противопоставлением “другим”. Неудивительно, что такому государству с трудом удастся скрыть шаткость своей конструкции, что, собственно, и остается самой главной его проблемой.

Перевод с сербского С. Романенко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Фромм Э. Бегство от свободы (<http://lib.ru/PSIHO/FROMM/fromm02.txt>).

Ćosić D. Jugoslavija – država izneverenih očekivanja i neizvasne budućnosti // Književne novine. 1988. 1 decembar.

Ćosić D. Srbija je žedna demokratije // Međaj. Časopis za književnost, umetnost i kulturu. Titovo Užice, 1989.

Kultura sjećanja. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti. Zagreb, 2007.

Marković M. Temelji i perspektive // Književne novine. 1988. 15 decembar–1 januar.

Popov Č. “Velika Srbija” – stvornost i mit. Beograd, s.a.

Stepić M. Teritorijalno i geopolitičko u srpskom nacionalnom interesu // Nacionalni interes (Beograd). 2005. Br.1.

Trifković S. Srpski nacionalni interes i izazovi XXI veka // Nacionalni interes (Beograd). 2005. Br. 1.